

Воспоминанія о Настоятель Якутскаго Спасскаго монастыря (1841 1852 г. г.) Архимандритъ Самуилъ и о нѣкоторыхъ современныхъ ему лицахъ и событіяхъ. (По поводу пятидесяти-лѣтія со дня его смерти).

Въ 1852 г. Пасха Христова приходилась 30 марта. Весна къ этому времени еще ничѣмъ не обнаруживала своего приближенія. Только нѣсколько воронъ, перелетавшихъ по монастырскому подворью, да протилны подъ окнами монастырскихъ келій, слабо напоминали приближающуюся весну. Мы, ученики духовнаго училища, по неизмѣнно въ то время своей церкви, обязывались ходить въ монастырь и отстоявать тамъ всѣ службы, совершаемыя по уставу, не смотря на то, что младшіе были 8—9 лѣтъ. Отстоявъ утрению Великой Субботы, 29-го марта, съ 4 до 8 часовъ, мы, до времени Литургіи (начало въ 11 часовъ дня), разошлись по квартирамъ, а казенные въ бурсу. Къ 11-ти часамъ дня снова собрались въ училище, чтобы „парадомъ“ идти въ монастырь къ Литургіи, и по первому благовѣсту существующаго и теперь монастырскаго двухсотпудоваго колокола (тогда болѣе его въ г. Якутскѣ не было), длинной вереницей потянулись, въ разнообразныхъ костюмахъ, въ церковь и заняли отведенный намъ разъ навсегда Знаменскій придѣлъ. Началась и продолжалась Литургія. При пѣніи: „Да молчитъ всяка плоть человѣча....“ въ церкви началась какая то суматоха, послушники входили и выходили

изъ церкви, въ слѣдъ за ними вышли нѣкоторые изъ монаховъ. Вскрѣ узнали и заговорили шепотомъ о кончинѣ о. Архимандрита. Изъ стоящихъ на клиросѣ учениковъ духовнаго училища одинъ, Д. П.*) (впослѣдствіи священникъ), громко рыдалъ, обернувшись лицомъ къ молящимся, — какъ-бы прося раздѣлить его горе... Многие изъ насъ плакали, сожалея добраго отца Архимандрита, любившаго и помогавшаго бѣднымъ ученикамъ. Такъ скончался одинъ изъ лучшихъ Настоятелей Якутскаго монастыря, и Господь призвалъ его на канунѣ Св. Пасхи, дабы праздновать ему оную въ „небывшемъ дни Царствія Христова“... Погребенъ о. Самуилъ, впрямъ отъ главнаго Алтари, на открытомъ монастырскомъ кладбищѣ; надъ могилой стоитъ простой деревянный памятникъ, въ видѣ часовенки.

Непродолжительная жизнь (51 г.) отца Архимандрита Самуила, какъ видно изъ данныхъ послужнаго о немъ списка, всецѣло была посвящена служенію церкви Христовой, сперва въ небольшомъ районѣ приходскаго пастыря внутренней Россіи, а затѣмъ въ иноческихъ трудахъ и подвигахъ на далекой Сибирской окраинѣ.

*) Сирота, квартировавшій въ келіяхъ о. Архимандрита.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Преподаватель Семинаріи П. Явловскій.

Печатать дозволяется: Якутскъ. Сентября 12 дня, 1904 года.

Цензоръ, Преподаватель Семинаріи Стефанъ Парышевъ.

Печатано въ Якутской Областной Типографіи.

Воспоминаніе о Настоятель Якутскаго Спасскаго монастыря (1841. 1852 г. г.), Архимандритъ Самуилъ и о нѣкоторыхъ со временныхъ ему лицахъ и событіяхъ. (По повсду пятидесяти-лѣтія со дня его смерти).

(Продолженіе *).

Происходя изъ духовнаго сословія Владимірской епархіи и родившись въ 1801 году, С. Успенскій., будущій нашъ Архимандритъ, по окончаніи курса наукъ во Владимірской Семинаріи студентомъ, поступилъ іереемъ въ с. Спасское; но скоро овдовѣлъ. Усмотрѣвъ въ этомъ горѣ, раннемъ вдовствѣ, особое призваніе Божіе, будущій о. Архимандритъ всю свою дѣятельность и любовь обратилъ на спасеніе своей души, ради чего, отложивъ

*) См. Я. Еп. Вѣд. 1904 г. № 19.

всякую гордость и заботу о житейскомъ и вооружась христіанскимъ смиреніемъ, въ видахъ принятія иноческаго подвига, — поступаетъ послушникомъ во Введенско—Островную пустынь, откуда, черезъ годъ перешелъ въ Спасо Ефиміевъ монастырь. 1833 г. марта 29 онъ постриженъ въ иночество, съ именемъ Самуила. Въ 1835 году былъ уже въ Сибири Настоятелемъ Киренскаго монастыря, т. е. санъ игумена, а затѣмъ, съ 1841 г., уже въ санѣ Архимандрита, управлялъ Якутскимъ Спасскимъ монастыремъ, ревизуя духовныя училища, по порученію Епархіальнаго начальства, исправляя обязанности члена Духовнаго Правленія, Благочиннаго городскихъ и походныхъ церквей, принимая главное участіе въ построеніи въ Якутскѣ каменной Преображенской церкви. Отсюда видно, что кругъ дѣятельности Настоятеля монастыря не ограничивался однимъ заведываніемъ монастыремъ во всѣхъ его частяхъ, но простирался и на Епархіальное и духовно-учебное вѣдомство. Ему, какъ лицу болѣе всѣхъ опытному и интеллигентному, по тогдашнему времени, во всемъ городѣ, давались важныя порученія отъ начальства, и за усердное добросовѣстное исполненіе порученій о. Архимандритъ Самуилъ получалъ неоднократно признательность Епархіальнаго начальства и удостоился самыхъ высокихъ наградъ по тогдашнему времени, какъ напр. золотой, съ украшеніемъ, наперсный Крестъ и Орденъ Св. Анны 2 степени. — Какъ духовный администраторъ, по должности члена Дух. Правленія, Благочиннаго и Настоятеля, о. Архимандритъ Самуилъ былъ строгимъ блюстителемъ церковно-каноническихъ правилъ и, безъ особой нужды, никогда не отступалъ отъ нихъ. Въ крайнихъ же, недоумѣнныхъ, случаяхъ обращался къ Епархіальному Архіерею. Случилось, что въ церковные старосты градо—Якутской Богородской церкви былъ избранъ нѣкто Ч—въ, двоюженецъ. Благочинный городскихъ церквей, Архимандритъ Самуилъ, рапортомъ отъ 3 марта 1849 года за № 69, на имя Преосвященнѣйшаго Нила, Архіепископа Иркутскаго, Нерчинскаго и Якут-

скаго, пишетъ слѣдующее: „Градо-Якутской Богородской церкви вновь поступившій въ должность старосты церковнаго, чиновникъ Николай Чокуровъ, съ 27 февраля, въ прошеніи своемъ ко мнѣ пишетъ, что онъ, Чокуровъ, есть двоеженецъ. А потому не знаетъ, возможно ли ему имѣть входъ во свѣтѣй Алтарь, по обязанности службы церковнаго старосты; для наблюденія опрятности и порядка, и, если нѣтъ пренятствія къ тому, просить разрѣшенія. Я имѣю въ виду, съ одной стороны, правила Св. Церкви, возбраняющія входъ во Св. Алтарь двоюженцамъ, съ другой, - необходимость наблюденія за чистотой и порядкомъ въ раскладкѣ ризничныхъ вещей, также и въ гарѣннѣи свѣтъ, для обязанныхъ должностію старостъ и трапезниковъ, но самъ о себѣ сдѣлать разрѣшенія не могу. О семъ Вашему Высокопреосвященству, Милостивѣйшему Архиастиру, донося въ благоусмотрѣніе, покорнѣйше осмѣливаюсь просить, не благоугодно-ли будетъ удостоить разрѣшеніемъ Архиастирсимъ на безпрепятственное вхожденіе во Св. Алтарь для наблюденія чистоты и порядка какъ просителю Чокурову, такъ равно и подобнымъ ему двоюженцамъ, если они будутъ состоять по выборамъ общественнымъ въ должности или старостъ церковныхъ или трапезниковъ.“ На семъ рапортѣ послѣдовала слѣдующая резолюція Архіепископа Иркутскаго Нила: „Двоеженцы, какого бы званія и состоянія они ни были, не подлежатъ ни какому исключенію изъ правила, запрещающаго имъ входъ въ Св. Алтарь.“ О. Архимандритъ Самуилъ съ особенною любовію относился къ воспитанникамъ духовныхъ училищъ. Эту свою истинно отеческую любовь онъ проявлялъ тѣмъ, что нѣкоторыхъ учениковъ, бѣднѣйшихъ родителей, преимущественно причетниковъ, содержалъ въ свободныхъ своихъ келліяхъ, на своемъ содержаніи и прилично одѣвалъ ихъ; такъ какъ безъ милости о. Архимандрита эти дѣти, по неимѣнію казенныхъ вакансій, оставались-бы совершенно безграмотными, возвратившись въ улусы къ своимъ родителямъ. Облагодѣтельство-

ваніе, въ свою очередь, за добро платили любовью къ своему благодѣтелю. Немного сохранилось свѣдѣній о частной жизни о. Архимандрита и, если что и сохранилось, то дошло только по преданію, и сообщалось о благодѣтеляхъ о званіи и призрѣваемыхъ имъ воспитанникахъ духовнаго училища. Такъ одинъ изъ нихъ, впоследствии священникъ о. Д. П-въ, передавалъ, что живши у о. Архимандрита, въ качествѣ келейника-воспитанника, часто ночью видалъ батюшку молящимся передъ неугасимою лампадой, и что о. Архимандрита служилъ каждый праздникъ и воскресный день въ монастырскомъ храмѣ, если только не было приглашаемъ въ соборъ; не рѣдко говорилъ поученія и по тетради и по печатнымъ проповѣдямъ; ходилъ ко всѣмъ службамъ каждый день; съ монашествующими обходился какъ отецъ съ дѣтьми, но и не давалъ поблажки; тѣхъ, кои выходили изъ повиновенія и дозволяли неумѣренное употребленіе вина, заключалъ въ монастырскій карцеръ, подъ строгимъ надзоромъ, и виновные сознавали свою ошибку, приносили искреннее раскаяніе. Выдающеюся добродѣтелью о. Самуила была искренняя любовь къ бѣднымъ, преимущественно духовнаго званія. Благодѣтельствуя дѣтей сиротъ, онъ не оставлялъ безъ помощи и бѣдныхъ членовъ причта, обращавшихся къ нему, какъ за ссудой денегъ, до извѣстнаго времени, такъ и о единовременномъ вспоможеніи, по случаю разныхъ семейныхъ вуждъ и несчастныхъ случаевъ. И никто изъ пресвитеровъ не уходилъ отъ о. Архимандрита безъ помощи. Нерѣдко къ нему низшее обращалось духовенство особенно въ случаяхъ жестокаго и зѣрскаго обращенія съ ихъ дѣтьми учителей духовнаго училища. Если припомнить, что творилось въ Россійскихъ бурсахъ того времени, т. е. сороковыхъ годовъ, по части воспитательной и учебно-дисциплинарной, то что можно было ожидать добраго въ отдаленномъ, захолустномъ Якутскомъ духовномъ училищѣ? Были между Якутскими педагогами священники, приходившіе на уроки прямо изъ храма Бо-

жія, съ благоуханіємъ, приносимымъ ими съ одеждой отъ церковнаго лакона; но и они не смягчали даже въ это время жестокости тогдашняго обращенія съ учениками. Широкіе рукава рясы взвивались на воздухъ и оглушительный ударъ по ланитамъ шарашивалъ мальчугана, у коего нерѣдко изъ носу брызала кровь, затѣмъ крики священника на мертвенно-блѣднаго трясущагося отъ страха мальчугана: „Лови!“; а затѣмъ—снять розогъ, стоны и брызги крови... Кромѣ извѣстныхъ бурсацкихъ дравій на воздухъ, съ двухъ сторонъ на скамейкѣ, и просто передъ печкой, здѣсь практиковались еще и свои, такъ сказать, мѣстные наказанія это: 1, моленіе неисправнаго ученика передъ классной иконою во время уроковъ, при чемъ неисправный обязывается надѣть одну, самую теплую, шубу товарища, подпоясаться, и класть безостановочно земные поклоны въ продолженіи 2-хъ и болѣе часовъ, въ жарко натопленной классной комнатѣ, причемъ молящійся обливается чуть не кровавымъ потомъ и часто падаетъ въ обморокъ, по прошествіи коего снова начинаетъ класть поклоны; малѣйшій же перерывъ повлечетъ за собой самыя полновѣсныя оплеухи, сопровождаемыя гнѣвомъ и яростію педагога—учителя; 2, сѣченіе розгами самимъ себя, что происходило слѣдующимъ способомъ: не приготовившій урока ученикъ, иначе сказать, непрочитавшій слово въ слово заданнаго не по Закону только Божію, но и по русскому языку, географіи и даже по ариметикѣ (правила), немедленно, послѣ вступительныхъ бичеваній, оплеухъ, отсылается къ печи, которая, обыкновенно, приходилась у входной двери, въ углу классной комнаты; здѣсь эта жертва жестокаго произвола-обязывалась снять съ себя всѣ застежки пальто, жилета, брюкъ, кальсонъ и спустить послѣдніе до колѣнъ и, обнаживъ такимъ образомъ свое тѣло, лечь и врученными сторожемъ розгами сѣчь себя, крича и вымаливая прощеніе (т. е. остановку) у учителя. Въ это время педагогъ приговариваетъ: „сама себя раба бьетъ, когда не чисто жнетъ!“ Потѣху эту нерѣдко заканчивалъ сторожъ

якутъ, добросовѣстно исполнявшій свою обязанность..... Вотъ подобныя то дикія сцены часто останавливались зрителемъ училища, и какъ всё это объясняли и въ чемъ всё были твердо убѣждены, останавливались по ходатайству о. Архимандрита Самуила, которому, по близости разстоянія кельи его отъ училища, обыкновенно сообщали о процедурѣ истязанія живущіе у него въ келіяхъ ученики училища. Однажды, когда подобная сѣкуція продолжалась болѣе получаса, а жертва была безъ памяти, вдругъ отворяются двери классной комнаты и громовой голосъ зрителя П. Я. Политова остановилъ это истязаніе, при чемъ въ памяти нашей остались слова зрителя къ учителямъ: „Вонъ изъ класса: здѣсь не Полиція!“ И этотъ случай объяснили тоже благодѣтельнымъ дѣяніемъ о. Архимандрита Самуила. Нерѣдко сельскіе дьячки и ихъ жены, прибывшіе въ городъ за разными своими хозяйственными нуждами, смотря на жестоко наказанныхъ своихъ дѣтей и обливаясь слезами, особенно матери ихъ, приводили ихъ къ о. Архимандриту, и слезныя ихъ просьбы не оставались безъ удовлетворенія, что принималось продолжительнымъ затишьемъ по истязательной педагогикѣ. Послѣ сего случая и вскорѣ послѣ женитьбы зрителя. ежедневныя расписанья въ классныхъ комнатахъ были отсрочиваемы до субботы и мѣстомъ, гдѣ производилась оная, была назначена кухня. Подобное распоряженіе значительно облегчило страданія учениковъ, у коихъ въ 6 й день могли зажить рубцы отъ розогъ и кожа принять свою естественную толщину, а то, при ежедневной поркѣ, ученику трудно было и сидѣть, чтобы приготовить уроки, по тогдашнему выраженію: „вытвердить урокъ.“

Говоря о жизни и дѣятельности о. Архимандрита Самуила, нельзя не упомянуть и о его современникахъ, лицахъ мѣстной администраціи г. Якутска. Въ описываемое время Якутскою Областію управляли Областные начальники. Лица эти, если и не обладали почти никакими научными познаніями, какъ

необучавшіяся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но за то были искренно преданы Св. церкви и строго исполняли свои христіанскія обязанности, лица болѣею частію, заѣзжія изъ внутреннихъ губерній Россіи и привезшія съ собою настроеніе таинственнѣй церковной и религіозной жизни.

(Окончаніе будетъ.)

Воспоминаніе о Настоятель Якутскаго Спасскаго монастыря (1841 1852 г. г.), Ахимандритъ Самуилъ и о нѣкоторыхъ со временныхъ ему лицахъ и событіяхъ. (По повѣду пятидесяти-лѣтія со дня его смерти).
(Оканчаніе *).

Будучи покорными и вѣрующими сынами Св. Православной церкви Христовой, они, понятно, подавали добрый примѣръ всему тогдашнему городскому населенію (другихъ вѣроисповѣданій, -сектантовъ и раскольниковъ-въ то время въ Якутской области не было). Особое уваженіе питали они и къ о. Самуилу какъ первому духовному сановнику, довѣренному Архiepастыри, жившаго въ Иркутскѣ, и какъ къ челоуѣку образованному. Съ особеннымъ чувствомъ сыновней преданности и

*) См. Я. Еп. Вѣд. 1904 г. № 20.

уваженія относилось къ о. Самуилу и все городское населеніе: чиновничество, купечество и прочіе городскіе обыватели. Нѣрѣдко былъ приглашаемъ о. Самуилъ и на семейные праздники почетныхъ лицъ. Бесѣды о. Самуила всѣ слушали съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ содержаніе оныхъ вращалось, преимущественно, на тему обязанностей христіанъ и религиозно-правственной жизни. Четырехтысячное (въ то время) населеніе города состояло всѣ изъ православныхъ христіанъ и у всѣхъ было единодушіе и преданность вѣрѣ и отечеству. Не удивительно, поэтому, что на призывъ о. Самуила о сооруженіи на мѣстѣ, въ Иркутскѣ, большаго, благозвучнаго, колокола, въ 200 пуд., общество отнеслось весьма сочувственно и, безъ особой медленности, доставило всѣ матеріалы, не выходя изъ границъ города, и во время самаго вылитія колокола, на молитвіе, по сему поводу, собрался не съ пустыми руками или просто изъ любопытства, а съ жертвами: толпа спѣшила бросать въ указанное мастеромъ мѣсто: серебро, золото, кольца и монеты разнаго достоинства; всѣ ожидали съ терпѣніемъ результата такого смѣлаго предпріятія о. Самуила. Были и въ то время, конечно, люди съ недовѣріемъ относившіеся къ этому дѣлу и не предвѣщавшіе ни чего добраго, кромѣ пустой траты матеріаловъ и значительнаго количества серебра; но прошествіи нѣкотораго времени, къ величайшей радости о. Самуила и всѣхъ искренно преданныхъ ему сослуживцевъ, оказалось, что поселенецъ, вызвавшійся на это дѣло, былъ знатокомъ своего дѣла, и колоколъ вышелъ весь въ полномъ соотвѣтствіи проектированной формы, съ полными, прочными ушами, со всѣми изображеніями ангеловъ и съ отчетливой надписью во кругъ діаметра: „Гласъ Господень на водахъ вопіетъ, глаголю....!!“ Поднятіе и укрѣпленіе колокола въ 200 пуд. было днемъ большаго событія для города Иркутска, а для настоятеля монастыря, о. Архимандрита днемъ величайшей радости. Съ этого времени авторитетъ о. Самуила еще болѣе упрочился среди всего

городскаго населенія, даже и скептически относившіеся къ этой новинкѣ, приуныли. Въ маѣ 1849 г., послѣ молебна въ монастырской оградѣ, при участіи всѣхъ почти жителей, колоколъ начали поднимать на канатахъ, людьми и ворогомъ; но, по непрочности, канаты не выдержали, загорѣли и порвались и двухсотный колоколъ, съ 7-8-ми саженой вышины, къ ужасу всѣхъ смотрящихъ съ замираніемъ сердца, рухнулся и, упавъ вертикально на бревно, разсѣкъ оное пополамъ; но самъ, Слава Богу, не повредился... Затѣмъ, вторично привезенными отъ купца И. Я. Ш. канатами, колоколъ снова былъ поднятъ, и въ этотъ разъ благополучно на высокую Монастырскую колокольню и первые звуки, постепенно увеличившіеся громкогласно разливались по всей окрестности города и не мало вызывали умиленныхъ и благодарныхъ слезъ у о. Архимандрита Самуила. Это было въ 1849 году, на третій годъ поступленія моего въ духовной училище. Была ранняя весна и, кажется, конецъ мая. Мѣсто вылитія колокола и теперь замѣтно своимъ углубленіемъ; это противъ алтаря лѣтней Вознесенской церкви. Недолго пришлось о. Самуилу наслаждаться звуками этого величественнаго, благозвучнаго, колокола, металла звонъ коего и теперь вѣщаетъ граду глаголъ временъ прошедшихъ, будя религиозное чувство и совѣсть, часто дремлющія, и устремляя духовный взоръ нашъ къ Верховному и Вѣчному Творцу вселенной... Этотъ же самый колоколъ, уныло, какъ бы плача, скоро возвѣстилъ городу и о кончинѣ виновника своего бытія, пригнопамятнаго о Самуила!...

Въ заключеніе, считаю долгомъ упомянуть, что побужденіемъ появленія этихъ воспоминаній здѣсь, въ печати, была моя благодарность Нашему Милостивѣйшему Архипастырю, Преосвященнѣйшему Никанору, благосклонно сообщившему мнѣ матеріалы изъ архива монастыря, извлеченные Архипастыремъ еще до послѣдняго (1902 г.) въ монастырѣ, а также свѣтлая личность о. Архимандрита Самуила, оставившая въ

дѣтской души моей неизгладимо-пріятное и чарующее впечат-
лѣніе на вѣки....

Прот. С Поповъ.
